

ДИНА ДАНИЧ

Моя любой
ценой

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Д18

Данич, Д.

Д18 Моя любой ценой / Д. Данич. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 326 с. — (Черно-белое).

ISBN 978-5-521-90700-7

Когда жених бросил меня прямо перед дверями ЗАГСа, я думала, моя жизнь закончена. Но незнакомец, которому я случайно помогла, заявил, что заберет меня себе. Ему плевать, что я против. Ведь Феликс Багров всегда получает желаемое. Любой ценой.

— Ну, что, красивая, садись, — мужчина кивает в сторону машины.

— З-зачем? Нет, мне домой надо, — тут же отказываюсь и даже шаг назад делаю для убедительности.

— Вот и поедешь домой. Ко мне. Где снимешь эту безвкусную тряпку, и мы отлично проведем время.

Опускаю взгляд на испорченное свадебное платье, которое так долго и тщательно выбирала. Горечь предательства снова возвращается.

— У меня другие планы! — резко отвечаю и, развернувшись, ухожу.

— Пожалеешь, что сразу не согласилась, — летит мне в спину. — Все равно моей будешь, Злата.

BIC FRD
BISAC FIC027000

ISBN 978-5-521-90700-7

© Д. Данич, текст, 2023
© А. Рябова, обложка, 2023
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

1. ЗЛАТА

— Паш, это ведь шутка, да? — с надеждой спрашиваю, глядя на любимого. — Вы решили меня так разыграть?

Тот недовольно морщится, а Катя, моя, между прочим, подруга и коллега, еще теснее прижимается к моему же жениху. На ее лице победная улыбка, которая буквально пропитана чувством собственного превосходства.

— Только не надо устраивать показных истерик и дешевых шоу, — фыркает Паша. — Я же сказал, планы изменились, Злата. Я выбрал Катюшу. И сегодня женюсь на ней.

— Но... — беспомощно смотрю на подругу, которая теперь уже, кажется, бывшая подруга. Я ведь даже сразу не поняла, что ее белое коктейльное платье... свадебное! — А как же я?

Наверное, я сейчас выгляжу жалко. Но просто не могу уйти, не задав вопросов, не поняв причины.

— Ты еще устроишь свою жизнь, — равнодушно роняет он в ответ. И от холода в голосе теперь уже и жениха тоже бывшего мне становится очень горько.

— За что, Паш? Ты ведь мог сказать раньше...

Замечаю, как косятся в нашу сторону другие молодые и их гости. Про то, как смотрят на меня те, кто пришел вроде как на нашу свадьбу, даже не думаю. На их лицах написана жалость. И я невольно задаюсь вопросом — а может, они тоже знали?

— Как давно ты это решил? — спрашиваю, а сама боюсь услышать ответ.

Однако Папа и не торопится рассказывать. Зато Катя вступает в дело довольно бойко:

— Злат, ну хватит унижаться. Мы из-за тебя на регистрацию опоздаем.

— Ты хотела сказать, на нашу с Папой регистрацию, — горько возражаю. На что та ехидно ухмыляется.

— Ты слишком глупа, если не понимаешь очевидного. Все уже давно переоформлено. Так что подбери свое, — она окидывает презрительным взглядом мое платье с красивым шлейфом, которое я так долго выбирала, — барахло и не задерживай нас.

Папа не встречает, такое чувство, что ему вообще плевать, что тут две невесты его делят. Хотя как делят? Я, конечно же, даже если он одумается, уже не смогу забыть того, что он сделал. Просто... Больно это, когда тебя предадут. Да еще и вот так цинично.

— Совет да любовь, — тихо говорю и, буквально впечатав свой букет Кате в грудь, обхожу пару предателей по дуге. Цветы я тоже долго-долго выбирала. Еще переживала, что нужно будет держать аккуратно, чтобы на платье не осталось следов.

Бывшая подружка ожидаемо начинает визжать.

— Ах ты сучка! Ты мне платье испортила!

Но мне уже плевать, я пытаюсь справиться с той болью, что разрывает мое сердце на части.

Не верю. До сих пор не верю, даже услышав жестокие слова от любимого мужчины, что он выбрал другую. Что он вот так просто бросает меня у дверей ЗАГСа.

За что? Почему?

Слезы застилают глаза, туфли, которые казались такими удобными, теперь мешают идти быстро, а платье...

Подол трется об асфальт, макияж наверняка поплыл, а фата...

Усмехаюсь и зло отбрасываю ее назад, хотя ветер снова и снова задувает ее мне на лицо.

Останавливаюсь, чтобы хоть немного успокоиться. Прохожие бросают на меня странноватые взгляды. Кто-то даже снимает на телефон.

Еще бы! Брошенная невеста при параде. Но мне на это наплевать. Моя жизнь разрушена. Сказка, в которой жила все эти месяцы, оказалась ложью, а я...

Господи, я же любила его, доверяла. Да я уже имя нашему малышу придумывала, хотя у нас с Пашей до сих пор ничего не было. Мне хотелось красивой сказки, а он согласился, поняв, что это для меня важно.

А оказывается... Оказывается, он просто нашел ту, что будет более стоворчива. Ведь про Катину отношение к сексу без обязательств знает вся наша танцевальная труппа.

Стоит подумать об этом, как становится еще тоскливее. Как теперь работать с ней? Как танцевать на одной сцене?

Видеть каждый раз ее довольный взгляд, в котором будет светиться «Ну вот, я же говорила!».

А ведь я столько раз советовалась с ней по поводу отношений с Пашей, все думала, сомневалась — он же

такой шикарный, взрослый мужчина, спонсор танцевального центра, и вдруг обратил внимание именно на меня.

Дура, ну какая же я дура! Доверяла ей, делилась самым сокровенным. А теперь это ей он наденет кольцо на палец, с ней будет ложиться вечером в постель, с ней растить детей.

Чем дальше иду, тем меньше эмоций во мне остается. Только одна сплошная боль. Нет сил даже дышать полноценно.

Из вещей у меня ничего нет. Сбежав, я сразу не подумала об этом, а возвращаться теперь обратно? Да ни за что! Лучше уж пешком дойду! И плевать, что все вокруг пялятся.

Мне остается до дома всего ничего, когда я сворачиваю в арку, чтобы срезать путь. Любопытные взгляды начинают утомлять, и хочется поскорее спрятаться ото всех. Но стоит только выйти во двор, как слышу позади:

— Эй, красивая! Куда торопишься?

2. ЗЛАТА

Оборачиваюсь и вижу мужчину. Высокого, широкоплечего, с наглым взглядом, которым тот проходится по мне сверху вниз. Так, словно товар оценивает.

Здесь, конечно, не глухая подворотня, но все равно обычно довольно малоллюдно.

Нервно сглатываю и делаю шаг назад.

— Невеста, значит, — протягивает он с иронией.

Ответить я не успеваю. Просто раз, и уже прижата к стене дома в тени. Сам мужчина оказывается передо мной, и все, что я вижу, — его огромную спину. А дальше слышу, как он обращается явно не ко мне:

— А я вас уже заждался, ребятки.

Все происходит так быстро, что я не успеваю за событиями. Поэтому, когда до меня доходит, что дальше этот самый мужик, откинувший меня к стене, начинает драться с еще двумя парнями, внутри холодеет. Куда я влезла?

Правда, все заканчивается довольно быстро. Я уже посматриваю в сторону, чтобы потихоньку сбежать, пока они заняты друг другом, как из арки выходят трое но-

вых. Первая парочка уже лежит в отключке, а сам незнакомец, который пока все еще вроде бы прикрывает меня и тем не дает заметить, даже не запыхался.

Я вообще против физического насилия. Видеть такое мне непросто. Хочется закричать и попросить всех прекратить это безумие.

Но какая-то часть меня вдруг четко понимает — это не поможет. Скорее даже наоборот. Поэтому молчу, в ужасе глядя, как эти трое обходят незнакомца по дуге, распределяются и почти одновременно шагают к нему. Выглядят они весьма опасно. Страшно подумать, что со мной будет, если выяснят, что я стала свидетельницей нападения.

— Феликс, с-сука, — цедит один из парней, когда получает весьма ощутимый удар и сгибается пополам, практически падая на колени.

Тот самый Феликс же переключается на двоих других, и, судя по всему, у него все под контролем. Троица эта явно лучше подготовлена, чем предыдущие, так что мужчины вовсе заняты друг другом.

И я все же решаю малодушно сбежать. Ну зачем мне чужие разборки?

Но стоит мне сделать два шага в сторону, как один из тех двоих, которых Феликс вырубил первыми, начинает шевелиться.

С одной стороны, хорошо — значит, жив. Но когда он, пошатываясь, поднимается на ноги и достает нож, я уже не так оптимистично настроена. Потому что его никто, кроме меня, пока не замечает. Как назло, оставшиеся трое по очереди то ли рычат, то ли матерятся, и поэтому никто не слышит, как четвертый нападающий подходит все ближе.

Наверное, правильнее всего в этой ситуации не вмешиваться. Но я отчетливо понимаю, что остаться в стороне, когда вижу, что кому-то сейчас подлю сзади воткнул нож в спину, просто не могу.

Неправильно это.

Мне, конечно, страшно. Но я искренне надеюсь, что эффект неожиданности сыграет свою роль.

Я против насилия и физической расправы. Однако сейчас подбираю обломок какой-то ржавой трубы и, стараясь не думать о последствиях, догоняю парня.

А дальше несколько вещей происходят одновременно: он охает, роняет нож, Феликс оборачивается и буквально полосует нас обоих цепким взглядом, оставшиеся двое из троицы нападавших решают взять реванш.

Я же в ужасе смотрю на того, кого ударила. Он явно без сознания, а может, даже...

В ушах начинает шуметь, а перед глазами плывет. Зачем-то крепче сжимаю кусок несчастной трубы. Настолько, что становится больно.

Кажется, я вот-вот потеряю связь с реальностью. В себя приводит резкий щелчок пальцев перед лицом.

Это, оказывается, Феликс. Вынуждает посмотреть на него.

— Он... Он же... Он... — я задыхаюсь, когда настигает понимание того, что я сделала.

— Зовут как? — резко спрашивает мужчина.

— З-злата, — заикаюсь, рвано дыша. Тот прищуривается и протягивается в ответ:

— Золотинка, значит. Стоять можешь?

Тут-то до меня доходит, что все это время он держит

меня за плечи. Ноги ватные, но я все же киваю. Феликс между тем наклоняется и прикладывает пальцы к шее парня, которого я так дерзко отоварила трубой по голове.

— Живой, — говорит он, и я выдыхаю с облегчением. — Можешь расслабиться, красота.

Я и правда начинаю дышать полноценно. Хотя, конечно, откат от случившегося еще впереди, но я уже не настолько в ужасе.

— Спасибо....

— Тебе спасибо, — усмехается он. — Чего полезла? А если бы он тебя заметил и в ответ врезал?

— Так ведь... Он же со спины хотел, с ножом, — сбивчиво объясняю. Ловлю снисходительный взгляд и чувствую себя полной дурой. Наверняка мои потуги для него как детские забавы. Судя по всему, Феликс отлично справился бы и сам. Просто в тот момент я почему-то испугалась за него. Что вот так, подло.

— Ну, со спины, и что?

— Плохо это. Исподтишка. Неправильно.

Что-то во взгляде мужчины неуловимо меняется. Словно я сказала что-то лишнее или обидела чем-то.

— Еще одна сторонница справедливости, — бормочет он. Сжимает зубы так, словно злится. Да за что? Я же помочь хотела.

— Что?

— Ничего, — отмахивается он. — Но вообще возьми за правило не лезть, когда мужики кулаками машут. Зацепят и не заметят.

Слова его звучат насмешливо. И, учитывая мое состояние в целом, хочется наругать. Но я все же сдерживаюсь. Молчу. Пусть веселится, а я лучше пойду.